

Ксения Ваничева

Виктор Зайцев. Товарищ Чехов. Очерки по истории советского чеховедения 1920–1950-х годов. М.: Издательство «Литературный музей», 2022. 608 с. ISBN 9785604523377.

Ксения Ваничева, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. kvanicheva@eu.spb.ru.

Изданная Государственным музеем истории российской литературы имени Владимира Даля монография кандидата культурологии Виктора Зайцева посвящена судьбе творческого наследия Антона Чехова в советское время. Центральной темой книги стали механизмы культурной канонизации идеологически неудобного классика, чей образ в СССР претерпел сложную трансформацию от чуждого пролетариату писателя в 1920-х до «товарища классика» в 1950-х годах.

Монография Виктора Зайцева может рассматриваться в широком историографическом контексте изучения советского литературного канона – темы, уже долгое время привлекающей внимание специалистов. Так, в целом ряде работ исследователи осветили проблемы формирования соцреалистического канона (Гюнтер и Добренко 2000; Кларк 2002), институциональный уровень этого процесса, в частности роль Сталинской премии по литературе как стимула культурного производства (Цыганов 2023), а также противоречивое отношение советской власти к дореволюционным классикам, нуждавшимся в переосмыслении и присвоении (Платт 2017). О механизмах подобного освоения литературного наследия Антона Чехова исчерпывающе рассказывает рецензируемая монография. При этом, в отличие от упомянутых выше работ, в фокусе внимания автора находится литературоведческий процесс – в первую очередь официальное советское чеховедение, а главными героями текста стали литературоведы, критики и эссеисты, краткие биографические сведения о которых помещены в приложении к книге.

Работа состоит из семи глав и, в соответствии с подзаголовком, представляет собой сборник очерков, объединенных вопросами, которые в общем виде можно сформулировать так: с помощью каких инструментов стало возможным вхождение Чехова в советский пантеон классиков и какую роль в этом процессе сыграли советские литературоведы? Если первый очерк, посвященный спорам о судьбе русской классической литературы в 1918–1920-е годы, служит удачным контекстуальным введением, то следующие главы раскрывают различные аспекты чеховской канонизации. В центре внимания автора в этих главах находятся приуроченные к чеховскому юбилею 1929 года журнальные анкеты о влиянии классика на читателей, а также история первого советского собрания сочинений Чехова, вышедшего в том же году. На основе ключевых биографических работ и статей в советской периодике Зайцев прослеживает становление советского чеховедения. Несмотря на то, что автор не придерживается строго хронологического принципа организации материала, тематические очерки складываются в единую картину и

дают представление об эволюции литературоведческих подходов в трактовке произведений и образа самого классика на протяжении 1920–1950-х годов.

Полемизируя с исследователями, утверждавшими, что 1920–1930-е годы являлись временем борьбы с литературной «классикой», Зайцев создает более объемную и противоречивую картину тех лет. Он демонстрирует, что примеры абсолютного отторжения классических текстов советскими читателями и издателями соседствовали с высказываемыми по их поводу восторгами. Для популяризации классики необходимо было лишь найти удобную форму для ее представления и маркировать произведение как актуальное, соответствующее потребностям советской современности.

По мнению автора, сам процесс включения Чехова в советский литературный канон можно с определенной долей условности разделить на три основных этапа. Первый из них, продлившийся от первых послереволюционных лет до конца 1920-х годов, может быть охарактеризован как «реабилитационный» или «негативистский». В этот период «все ключевые характеристики чеховского творчества и мировоззрения сводятся к “апофатическим” параметрам, к недостаткам чеховской идеологии, к тем аспектам общественной жизни, которых писатель “не преодолел”, “не заметил”, “не оценил” и т. п.» (с. 177). Одним из важных лозунгов этого периода стала «учеба у классиков», зачастую подразумевавшая освоение лишь технических приемов дореволюционных авторов, без учета чуждой идеологии. Иными словами, материалом для такого изучения служила внешняя форма, но не содержание произведений. На втором этапе, пришедшем на конец 1920-х – начало 1940-х годов, в «негативистский» образ Чехова вплетаются «позитивные» составляющие. В качестве характерного примера автор приводит биографическую книгу Юрия Соболева, вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей». Здесь, наряду с негативными чертами чеховского мировоззрения, ясно видны позитивные трактовки творчества писателя как выразителя взглядов «радикальной буржуазии», симпатизирующей рабочему классу (с. 191–202). Наконец, на последнем этапе, охватившем вторую половину 1940-х – 1950-е годы, произошло окончательное освоение чеховского литературного наследия. Решающую роль в кульминации этой истории, по мнению Зайцева, сыграл критик Владимир Ермилов – «талантливый констататор чеховской “каноничности”, собравший и систематизировавший под одной обложкой ту концепцию чеховской биографии и творчества, которую советское литературоведение и критика общими усилиями начали вырабатывать сразу после Октябрьской революции» (с. 540). В вышедшей из-под пера Ермилова чеховской биографии писатель, невзирая на свои взгляды и свойственную ему аполитичность, не страдал вопиющей социальной близорукостью, которая инкриминировалась ему ранее, а, благодаря вниманию к силе «простого народа», прозрел и почувствовал приближающуюся революцию. Так, пройдя долгий путь от турбулентного состояния 1920-х годов, где статус творческого наследия Чехова не был столь очевиден и однозначен, до полного признания конца 1940–1950-х, классик окончательно занял место в советском литературном пантеоне.

Важным и интересным аспектом проблемы формирования советского литературного канона стал затронутый автором вопрос о читательских предпочтениях

советской публики. Полемическим фоном здесь выступила концепция Евгения Добренко, согласно которой новое советское искусство ковалось совместными усилиями власти и масс, слитых в «единого демиурга». Зайцев видит это несколько иначе. Он обращает внимание на «несоотнесенность конкретных читательских предпочтений с выступлениями отдельных “антиклассицистов” и “античеховистов”». По его словам, «“античеховизм” 1920-х гг. зачастую являлся плодом теоретической и пропагандистской работы, нежели экспликацией реальных массовых культурных запросов» (с. 51). Тезис о массовой востребованности Чехова среди советских читателей находит убедительное подтверждение в материалах, проанализированных в отдельной главе юбилейных анкет, а также опросов среди бойцов Рабоче-Крестьянской Красной армии. О том же свидетельствуют и приведенные автором цифры тиражей чеховских сборников, опубликованных Государственным издательством в 1920-х годах, и данные, свидетельствующие об огромном спросе на эти издания (с. 135). Продемонстрированный автором подход позволяет не только взглянуть на историю чеховского наследия сквозь призму пропагандистских усилий власти, историю его прочтения и «перековки» в среде профессиональных литераторов, но узнать, пусть и с определенными ограничениями, о реальных читательских предпочтениях советских граждан.

Несомненным достоинством работы является обилие привлеченного материала, включающего как опубликованные литературоведческие тексты, так и многочисленные архивные материалы из фондов отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Российского государственного архива литературы и искусства, Государственного музея истории российской литературы имени Владимира Даля, а также Крымского литературно-художественного мемориального музея. Тем не менее фундированность работы парадоксальным образом в отдельных частях оборачивается ее недостатком. За обильными (а в иных случаях – избыточными) цитатами и скрупулезным анализом частных вопросов не всегда ясно проступают контуры более важных историографических проблем. Так, тщательно и с большим вниманием реконструированный процесс культурной канонизации Чехова, к сожалению, оказывается оторванным от общего ландшафта советской идеологии и сложных отношений власти с дореволюционной литературой.

«Осовечивание» Чехова не становится на страницах книги частью большой истории о тернистом пути присвоения идеологией классово чуждых, но от этого не менее великих, русских писателей. Отсутствие общего контекста нивелирует различия между разными вариантами такого огосударствления, несмотря на заявления автора о том, что «дорога каждого писателя в “официальную антологию” была специфической» (с. 18). Так, по словам Зайцева, «образ идеологически адекватного “А. П. Чехова” не только выкристаллизовывался, но и встраивался в общую систему советского классического пантеона, поскольку тематические блоки не разрабатывались персонально для каждого отдельного кандидата на включение в “официальную антологию”. [. . .] Иными словами, в типовой набор общественно-политических и художественных достоинств, презентуемых в качестве общих для всех больших писателей, вписывалось отчасти столь же типовое, отчасти эксклюзивное содержание, связанное с каждым конкретным автором» (с. 538). Склады-

вается впечатление, что разницы между вариантами присвоения советской властью дореволюционных классиков не существовало, и весь формирующийся литературный канон был скроен по одним и тем же лекалам. Иллюстрируя такую шаблонность, Зайцев ради эксперимента на страницах своей книги искусно монтирует в один текст две юбилейные чеховедческие статьи: заимствуя каждый абзац из реальных газетных заметок о Чехове, он демонстрирует читателю ужасающую типичность последних (с. 239–244). Таким ли внутренне однородным был советский литературный пантеон? В самом ли деле дореволюционные авторы, ставшие для советского читателя «товарищами классиками», проходили одинаковые пути?

Описанное впечатление усиливает и схематичный характер заключения к монографии, реконструирующего этапы «освоения» чеховского творчества советской властью. Рассказанная в нем история описывает именно чеховскую специфику, не претендуя на анализ более широкого контекста. В результате указанные этапы выглядят обособленными и никак не соотносятся с культурной политикой советского руководства в сталинский период.

Названные пробелы и возникающие в ходе чтения вопросы не умаляют значимости работы Виктора Зайцева в области изучения советского канона и послеволюционных дискуссий вокруг присвоения классической традиции. Монография вносит заметный вклад не только в исследование советской «чеховианы», но помогает пролить свет на механизмы и инструменты культурной канонизации «неудобных» с точки зрения советской идеологии дореволюционных писателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гюнтер, Ханс и Евгений Добренко, ред. 2000. *Соцреалистический канон*. СПб.: Академический проект.
- Кларк, Катерина. 2002. *Советский роман: история как ритуал*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Платт, Джонатан Брукс. 2017. *Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Цыганов, Дмитрий. 2023. *Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма*. М.: Новое литературное обозрение.